

Автор предпринимает попытку расширить объяснение причин, по которым национализм превращается в одно из серьезнейших социальных явлений последних 150 лет. С этой целью он анализирует такие факторы, как религиозность и социальная дифференциация, делая особый акцент на этнологических аспектах группового поведения.

НАЦИОНАЛИЗМ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО?

Ф. Н. Ильясов

В изучении национального - шире коллективного - поведения можно, на наш взгляд, отметить два существенных пробела. Во-первых, как неоднократно отмечал известный французский социолог С. Московичи [1], слабо развивается традиция исследования коллективного поведения (в рамках которой объектом изучения является психология масс, а единицей наблюдения - "толпа"), заложенная на рубеже XIX-XX вв. Г. Лебоном, Г. Тардом, А. Вигуру, П. Жукелье и другими [2]. Во-вторых, в политологии, политической социологии и даже в политическом маркетинге основной акцент делается на рациональной (психологической, общественной) детерминации поведения, а этнологическим аспектам должного внимания не уделяется (хотя такие разработки существуют, - см., например, [3]). Попытаемся осветить феномен национального поведения, объединив оба указанных подхода.

Известно, что национализм как социальное явление сформировался во второй половине XIX в. [4]. Если отвлечься от идеалистических концепций, утверждающих саморождение и саморазвитие национальной идеи, то среди наиболее убедительных объяснений причин его возникновения можно назвать институционализацию национальной буржуазии (интересы национального капитала, защита внутреннего рынка, межстрановая экономическая конкуренция, национальная валюта и т.д.) и, соответственно, появление обслуживающей ее (буржуазии) интересы национальной интеллигенции.

При всей убедительности такого объяснения в нем все же ощущается некоторая недостаточность, незавершенность. Попробуем расширить аналитическую базу с помощью двух других факторов: религиозности и социальной дифференциации.

ИЛЬЯСОВ Фархад Назипович - кандидат философских наук, стипендиат Фонда МакАртуров, г. Ашхабад.

Прежде чем перейти к основному предмету нашего изложения, попытаемся определить, что есть национализм (по этому вопросу единая точка зрения еще не сложилась), и обрисовать схему социальной эволюции.

КОЛЛЕКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И НАЦИОНАЛИЗМ

Под коллективным поведением мы понимаем скоординированное поведение группы субъектов с единой детерминацией, то есть общими целями, мотивами и т.д. [5]. Если иметь в виду когнитивно-эмоциональную структуру коллективного поведения, то его можно описать как совокупность представлений, настроений и действий, объединяющих людей по какому-либо основанию в обособленную группу и (в случае дефицита ресурсов) противопоставляющих ее всем остальным группам с целью перераспределить блага в свою пользу. Если дефицита нет и межгрупповая конкуренция по этому основанию не возникает, целью функционирования группы становится более эффективное удовлетворение потребностей ее членов в противопоставлении или взаимодействии с внешней средой.

Необходимо особо подчеркнуть: группа возникает и существует для более эффективного удовлетворения потребностей входящих в нее членов, увеличения совокупного объема получаемых благ, среди которых можно выделить как реальные - власть, территория, деньги, товары и т.д., так и идеальные, обеспечивающие психологический комфорт - представление о собственной исключительности, снятие страхов, реализация социальных инстинктов и т.д.

Типы коллективного поведения можно подразделить на стихийные, полуорганизованные и организованные. Среди последних выделим: религиозные, племенные (кровно-родственные кланы), территориальные (территориальные кланы), сословно-профессиональные, этнические (националистические), классовые, надклассовые внутригосударственные, общегосударственные

НАЦИОНАЛИЗМ: ЦЕЛЬ ИЛИ СРЕДСТВО?

(национальные) и демографические (женские, молодежные) движения (партии). Употребляя слово "группа", мы прежде всего будем иметь в виду перечисленные формы коллективного поведения.

При формировании группы, с которой, собственно, и начинается коллективное поведение, важны два ключевых момента. Первый - этологический (базисный). Речь идет о присутствии каждому человеку социального инстинкта, генетически заданном стремлении быть членом группы. Как и всякая генетическая программа поведения, такое стремление безадресно, - это просто "голое" желание вне конкретной формы и содержания. На него накладывается надстройка - некий сигнал, знак (или их совокупность), "запускающий" механизм группового поведения. "Задачи" этого сигнала состоят в том, чтобы, во-первых, очертить признаки и границы группы и тем самым определить "своих" и "чужих"; во-вторых, пробудить или закрепить в субъекте понимание того, что он является (может быть) членом данной группы; и в-третьих, внедрить в его психику соответствующую групповую идеологию. Иными словами, перечисленные задачи заключаются в социальной самоидентификации индивида, идентификации и идеологизации группы.

Традиционно под групповой идеологией понимается некая идея, приводящая в движение одну из обозначенных выше форм коллективного поведения с целью создания определенной общественной ситуации. Перефразируя известное положение марксизма, можно сказать: идеологией становится та идея, которая овладевает массами. В этом смысле, например, большевизм (и даже шире - марксизм) представляет собой прагматическую интерпретацию идей Гегеля, сочлененных с социальным конструктом Кампанеллы.

В основе групповой идеологии лежит представление об исключительности группы. Это атрибутивное свойство всякого группового сознания [6, с. 80-81]. В национальной сфере данный феномен находит непосредственное выражение в так называемом чувстве национальной гордости. Индивид гордится тем, что принадлежит к определенной нации, поскольку, по его мнению, она обладает некоторыми высоко ценными им исключительными качествами. Спектр последних весьма широк: древнее происхождение, вклад в мировую цивилизацию, военные победы, знаменитые люди той же национальности и т.д.

Логика рассуждений при этом следующая: в определенном отношении (образ жизни, традиции, ценности, приверженность неким социальным идеям, вероисповедание, внешние данные и т.д.) мы отличаемся от других, причем отличаемся в лучшую сторону. Поэтому мы умнее, честнее, красивее других. Существующий порядок вещей неправильный (несправедливый, неразумный, аморальный) - его надо изменить, и если мы сделаем это, нам (а возможно, и всем) будет хорошо.

Исходя из вышесказанного, национализм можно определить как форму коллективного поведения, основанную на представлении о собственной исключительности, и вытекающего отсюда стремления перераспределить блага в свою пользу [6, с. 80].

Рассмотрим теперь вопрос о том, как групповое поведение может быть связано с общественным развитием.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЭТАПОВ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

Известны формационный и цивилизационный подходы к классификации этапов общественного развития. Разрабатывая свою периодизацию, мы руководствовались методологическим принципом Э. Дюркгейма - "объяснять социальное социальным". В качестве основания для выделения этапов взяты социальные группы, которые в соответствующий период эволюции социума были главными, системообразующими. Необходимо оговориться, что предлагаемая схема отражает только глобальную тенденцию, идеальную модель. В реальной жизни наблюдаются бесчисленные отклонения - ведь человечество развивается не однолинейно.

В общественной эволюции можно выделить следующие системообразующие социальные группы: кровно-родственные кланы (племена); территориальные кланы; сословия, отраслевые (профессиональные) кланы; классы; классовые общественные объединения (партии, профсоюзы и др.); внутрисоциальные надклассовые партии и движения. Данные доминантные группы формировали соответствующие типы сообществ: кочевое племя; племя оседлых земледельцев; феодалное княжество; монархическое (олигархическое) государство; индустриальное государство; информационное общество (см. таблицу).

На наш взгляд, два фактора способствовали тому, что национализм оформился как социальный феномен. Остановимся на этом подробнее.

КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОСТИ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Говоря о кризисе религии, мы имеем в виду преимущественно европейский тип цивилизации, христианское развитие Ветхого Завета. Азиатский тип цивилизации ("мусульманский мир") и исламская интерпретация ветхозаветного монотеизма требуют, судя по всему, отдельного рассмотрения. Как известно, ислам в значительной степени регулирует обыденную жизнь людей, а потому воспринимается ими не только и не столько как религия, а, скорее, как элемент национального образа жизни. Вследствие этого азиатская религиозность и национализм проявляют себя

Социальная эволюция в зависимости от системообразующих групповых объединений

Типы системообразующих групповых объединений					
→	→	→	→	→	→
Племенные (кровно-родственные) кланы	Территориальные кланы	а) Сословия б) Отраслевые (профессиональные) кланы	Классы	Классовые общественные объединения (партии, профсоюзы и др.)	Внутригосударственные надклассовые партии и движения
Соответствующие типы социальной организации					
кочевое племя	племя оседлых земледельцев	феодалное княжество	монархическое (олигархическое) государство	индустриальное государство	информационное общество

иначе, взаимостимулируя друг друга в большей мере, чем это происходит в христианском мире.

Важнейшими функциями религии являются: социальная, суть которой состоит в регулировании межчеловеческих отношений, когнитивная, объясняющая "физическую" картину мира, и психологическая, обеспечивающая психологический комфорт благодаря ощущению причастности к числу избранных, редукции страха смерти, психологической поддержке.

"Опросы общественного мнения, - отмечает В.И. Гараджа, - анализ статистических данных показателей и динамики религиозности отражают долговременную тенденцию к упадку религиозной веры, подтверждают уменьшение ее влияния на жизнь современного общества" [7, с. 174]. Можно предположить, что в процессе социальной эволюции число верующих снижалось (в абсолютных величинах) сначала постепенно, а затем все более быстро. Если в племенах, исповедующих примитивные, "языческие" религии, религиозность практически стопроцентная, то, как свидетельствуют социологические исследования, в настоящее время в развитых обществах доля "истинно верующих" уменьшилась и колеблется в интервале от 20 до 30% [7,8].

Термин "истинно верующие" используется здесь в строгом религиозно-каноническом смысле. Речь идет о тех, кто знает канонические церковные тексты, живет, если так можно выразиться, религиозной картиной мира, имеет религиозное чувство ("чувство веры") и строго исполняет соответствующие обряды. В этой связи заметим, что нынешняя "увлеченность" россиян религией (с 1988 по 1993 г. доля опрошенных, считающих себя верующими, увеличилась с 18.6, до 40% [7, с. 193]) по своей сути не носит характер религиозного ренессанса. Видимо, можно говорить о неких необходимых всякому обществу традициях и ритуалах, выполняющих роль социальных стабилизаторов и носителей "исконных" ценностей. Здесь уместно вспомнить замечание Р. Белла: "Процесс секуляризации влечет за собой не ликви-

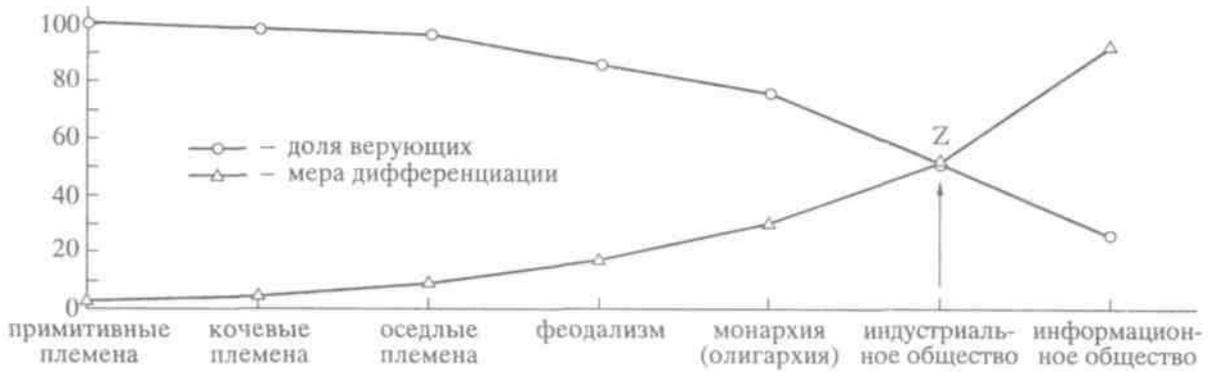
дацию самой религии, а изменение ее структуры и роли" [9].

Во многом схожий псевдорелигиозный бум наблюдался в США после Второй мировой войны. Это была, скорее, своеобразная форма группового (общегосударственного) сплочения (нормальная реакция на межгрупповой конфликт - войну), нежели реализация богоискательских импульсов, что дало основание охарактеризовать данный феномен как "особую форму религиозного национализма" [8, с. 131].

Существует несколько причин кризиса традиционной церкви. "...Под упорным натиском капитала и революций старого докапиталистического режима, - пишет С. Московиич, - дал трещины и начал разваливаться устойчивый мир семьи, соседских отношений, сел. В своем падении он увлек за собой традиционные религиозные... устои" [1, с. 46].

К кризису когнитивной функции религии привел прогресс естествознания - теологи вынуждены признавать фундаментальные научные достижения, противоречащие религиозным догматам и модифицировать свое учение.

В последние полтора века заметно снизилась и социальная (регулирующая) функция религии в связи с мощным ростом государственных институтов и властных структур. Ныне в развитых странах отношения в большей мере регулируются законодательством и адвокатом, нежели религией и Пантократором. Даже сфера морали, традиционно находившаяся под эгидой церкви, секуляризуется ныне тезисом об общечеловеческих (то есть не специфически теологических) ценностях, который становится все более популярным. Отсюда уже и психологическая составляющая религии оказывается не столь эффективной; современному человеку сложно быть истинно - канонически - верующим, получать полную меру психологической поддержки от института, основополагающие элементы которого (социальная и когнитивная составляющие) не выглядят достаточно убедительными.

Изменение уровня религиозности и доходной дифференциации в процессе социальной эволюции

В рамках нашего изложения важно отметить, что "когнитивный" кризис религии намечился в эпоху Возрождения, а наиболее значительная его фаза началась в середине XIX в. в силу бурного развития естествознания.

Что касается кризиса социальной функции религии, то он связан с падением роли церкви в регулировании межличностных и общественных отношений, обусловленном развитием демократических форм правления, где участие церкви сводится к минимальному. В данном контексте правомерно утверждать, что демократия губительна для традиционных религий. Последние 100-150 лет становления современных демократических форм правления составили нынешний этап кризиса традиционной религиозности.

Когнитивный и социальный кризис религии представлен в виде графика. Цифры, описывающие обсуждаемое явление, отражают лишь общую тенденцию и не претендуют на точность измерения.

Перейдем теперь к вопросу о классовой борьбе, или, что одно и то же, о доходной дифференциации общества. Суть взаимодействия совокупности групп людей, образующих общество, - разделение социальных (прежде всего производительных) функций между группами с целью более эффективного удовлетворения потребностей каждой из них. При этом всякая социальная группа ("класс") стремится перераспределить блага в свою пользу, пытаясь изменить "условия социального договора". Такое стремление можно назвать классовой борьбой.

Пока, видимо, нельзя однозначно сказать, в какой мере имущественное положение трудящихся улучшает классовая борьба, а в какой - это просто следствие развития производительных сил общества. Скорее всего, классовая борьба способствует тому, что такое улучшение наступает раньше. Например, как известно, социалисты (коммунисты) выступали за 10-ти (позднее 8-ми) часовой рабочий день, обязательный один выход-

ной (позднее два) в неделю, оплачиваемый отпуск, оплату больничного листа, пенсию по инвалидности и по старости. Все эти требования воплотились в жизнь, но как обстояло бы дело, не будь классовой борьбы? Наверное, так же, только с некоторым запозданием. Безусловно, Маркс прав, утверждая, что уровень потребления зависит от уровня производства, однако вопрос о том, как влияет на уровень потребления трудящихся, или, иными словами, на развитие производительных сил накал классовой борьбы, то есть межгрупповая конкуренция, нуждается в дальнейшем изучении.

В любом случае противостояние групповых (классовых) интересов, вызванное дифференциацией доходов, существовало всегда. Социально-классовое напряжение в обществе задается следующими взаимосвязанными параметрами: количеством социальных слоев (групп, страт); социальной дистанцией между ними (в первую очередь по критерию доходов); вертикальной (статусной) социальной мобильностью, то есть возможностью и активностью реальных перемещений из "нижних" групп в вышестоящие и обратно.

Чем меньше социальных слоев, больше дистанция между ними и ниже социальная мобильность, тем выше социальная напряженность в обществе и наоборот. Все эти составляющие межгрупповой напряженности достаточно полно отражает показатель доходной дифференциации (в данном случае это количество социальных слоев и число составляющих доходных групп), который мы и использовали для нашего анализа.

По мере социального развития, движения от примитивных сообществ к современным, дифференциация общества увеличивалась. На рисунке на это указывает изменение доходной дифференциации (возрастание числа доходных групп) в процессе социальной эволюции. Оговоримся, что числа, по которым построен график изменения доходной дифференциации, носят гипотетический

характер, их надо интерпретировать, скорее, как ранговую шкалу, нежели как шкалу отношений.

До определенного момента (в нашей схеме это "индустриальное общество") увеличение доходной дифференциации вело к возрастанию социальной напряженности. Соответственно крепла и развивалась классовая идеология. Однако по прохождении критической точки (на рисунке она обозначена буквой Z - на нее указывает стрелка), при переходе к "информационному обществу" социальная дистанция между стратами уменьшается. Соответственно, социальное напряжение падает, классовая идеология в значительной мере утрачивает свою актуальность, а классовые движения редуцируются до уровня профсоюзов. В ситуации, когда, например, доход высококвалифицированного рабочего выше, чем некрупного менеджера, а крупный менеджер получает больше, чем мелкий или даже средний предприниматель, границы между классами размываются, и можно говорить о "бесклассовом обществе", в котором пролетарское учение находит слабую опору в социальной структуре. Таким образом, при переходе к информационному обществу такие глобальные идеологии, как религиозная и классовая, утрачивают свое доминирующее положение.

Если учесть, что этнические и общегосударственные (национальные) идеологии весьма схожи (только в первом случае мы говорим о сепаратизме, а во втором о патриотизме), внутригосударственные, "надклассовые" партии представляют собой суррогат коллективного поведения, демографические движения носят спорадический характер, а межгосударственные еще далеки от эмоций широких масс, этническая идеология становится одной из ведущих. По сути дела, обыватель оказывается перед выбором между этнической (националистической, расовой) и национальной (общегосударственной, патриотической) идеями.

Снижение роли религиозной и классовой идеологий приводит к актуализации этнической еще и потому, что и мировые религии, и пролетарское учение выступают за равенство людей вне зависимости от национальности (в первом случае перед Богом, во втором - в силу природных, "естественнонаучных" причин). В ситуации же, когда их "интернационалистическое" влияние уменьшается, этническая идея с ее приматом национальной исключительности получает весьма широкую популярность.

Кризис религии и увеличение доходной дифференциации, по сути дела, вызвали расцвет националистической идеологии и национализма как актуальной формы коллективного поведения. Это произошло в фазе индустриального общества, в критической точке Z (см. рис.). Видимо, во многих отношениях данная точка представляет собой переломный момент в социальном развитии того или иного общества.

Наиболее фундаментальным содержанием упомянутого периода является переход от доминирования межгрупповой конкуренции ("классовой борьбы") к доминированию индивидуальной конкуренции ("человек человеку - волк"). Иначе говоря, в условиях информационного общества групповая сплоченность ("классовая солидарность") резко уменьшается, границы всех существующих в обществе групп размываются, и человек не может полномерно реализовать свою фундаментальную видовую потребность - быть членом группы. В результате усиливается стресс, нервная система людей не выдерживает возникших нагрузок, все большее распространение получают такие формы отклоняющегося поведения, как пьянство, наркомания, насилие, мужская импотенция, самоубийства и т.д. Растет уровень индивидуальной преступности - ведь групповая агрессия регулируется легче, чем индивидуальная.

В условиях традиционного общества подобное происодит довольно редко, в порядке исключения, а вот информационное общество "генерирует" такие явления как конвейер. Человек потерял свою группу, которая его поддерживала, направляла, давала чувство коллектива с его идеалами и ценностями, утратил ощущение "сопричастности". Слабый, одинокий, раздавленный безликой громадой бесклассового общества, он близок к агонии.

Другим следствием снижения роли традиционных типов коллективного поведения является стихийное возникновение суррогатных форм - религиозных сект, мафиозных группировок, различных новых социальных движений. Сюда же можно отнести политизм (одновременное "принятие" нескольких религий), увлечение "эзотерикой" как попытку создания псевдогруппы и т.д. Социальный вакуум заполняется такими движениями, как спортивные болельщики и музыкальные фанаты.

Хиппи кто-то назвал "птенцами, выпавшими из гнезда". Действительно, это люди, утратившие "чувство группы" и пытавшиеся его обрести в искусственно сооруженной конструкции. Естественно, в таких условиях на рынке социальных идеологий националистическая идея может иметь повышенный спрос.

Для придания импульса этническим движениям необходимы конкретные создатели и реализаторы националистической идеи. Значительная роль здесь принадлежит вождям.

РЕФЛЕКС ВЛАСТИ И РЕФЛЕКС ПОДЧИНЕНИЯ

Наши далекие предки объединялись в стаю, поскольку это обеспечивало им более эффективное удовлетворение потребностей. Однако внутри нее всегда шла конкуренция за лучший доступ к благам. Социальный принцип, определяющий

приоритетность членов группы, называется иерархией (этологи обозначают данный принцип понятием "право первого клевка"). Уже в силу биологической природы каждый член группы стремится "клянуть" первым, но одному это удается, а другому нет.

Тот, кому достается больше, автоматически становится иерархом, социальным регулировщиком поведения других. И поскольку власть является главным, универсальным социальным ресурсом, обеспечивающим лучшую доступность всех остальных ресурсов (пища, половой партнер, комфорт и др.), эффективность удовлетворения индивидуальных потребностей зависит и от статуса (здесь мы его рассматриваем только как меру возможности оказывать желаемое воздействие на поведение других членов сообщества). Каждый субъект стремится удовлетворить свои потребности полнее и как член группы обрести высокий статус. Иначе говоря, понятия "полнее удовлетворить свои потребности" и "иметь высокий статус" - синонимы.

Осознание связи эффективного удовлетворения витальных потребностей с групповым статусом есть не что иное, как социализация. По мере биологической эволюции потребность в социальном статусе становится инстинктом - генетически заданной программой поведения. Собственно, превращение до-человека в социальное существо означает появления у него потребности в статусе, в том числе в такой ипостаси, как "инстинкт власти".

В группе всегда идет борьба за статус, однако у одних субъектов стремление к тому, чтобы он был более высоким, выражено сильнее и реализуется успешнее, у других слабее. Первые формируют категорию вождей, ведущих, вторые - "толпу", ведомых. При этом разделение на вождей и толпу в значительной степени условно, человек из толпы часто готов возглавить движение. Тут нет непреодолимой границы, более того, социальный статус, связанный с выраженностью доминантного поведения, может быть и результатом случая. Следовательно, правильнее говорить, что существует инстинкт иерархического поведения, в котором сочетаются как рефлекс власти (доминирования), так и рефлекс подчинения (субдоминирования). Какой из рефлексов сработает, зависит от обстоятельств - это доказано еще в экспериментах выдающегося естествоиспытателя И.П. Павлова.

Здесь важно отметить, что у "вождей" рефлекс власти становится доминантным, это их главная и самодостаточная потребность, власть для них самоценна. "Вождь... ее домогается, - отмечает С. Московичи, - с той же алчностью, с какой верующий жаждал жизни после смерти" [1, с. 30]. Поэтому лидер - человек, которому обязательно на-

до возглавить какую-нибудь группу, порой - безразлично какую.

В генетической программе человека как представителя биологического вида "записано": "Ты должен быть членом группы. Так для тебя лучше". В психологии это называется потребностью в аффилиации - то есть в принадлежности к группе, общении и получении одобрения.

Многие, наверное, обращали внимание, как муравей "обнюхивает" каждого "сородича", идущего навстречу, дотрагиваясь до него усиками. Он делает это снова и снова, всякий раз идентифицируя встречного - из его тот муравейника или нет.

Аналогичной программой поведения обладают и люди. Встречая нового человека (или после разлуки - старого знакомого), субъект идентифицирует его групповую принадлежность, причем, как правило, бессознательно, непроизвольно. Идентификация осуществляется по определенным, важным для субъекта основаниям, в зависимости от того, какие из групп для него актуальны ("демократ", "патриот", "спартаковский болельщик", "любитель пива" и т.п.). Однако нетрудно заметить, что идентификация по этническому (расовому) признаку происходит особенно легко и "ненавязчиво", поэтому и националистическое поведение нередко "включается" без особых раздумий. "У них на лице написано, что они из другой группы" - вот и весь аргумент.

Социальных групп огромное количество, от спортивных болельщиков и людей одной профессии, до тех, которые мы выше называли системообразующими. Именно последние (клан, сословие, класс, государство, а также религия и этнос) дают максимально выраженное чувство группы и членство в них является наиболее значимыми формами группового поведения.

ВОЖДЬ И ТОЛПА - ТРАГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ МОТИВАЦИЙ

Потенциальный лидер примеряет на себя костюмы вождей разного ранга. Чаще всего он понимает, что для него "тяжела шапка Мономаха". Значит, стать лидером "номер один" в такой форме коллектива, как государство, нереально. Тогда он опускается ниже и ниже, так или иначе оценивая свои конкурентные способности, и доходит до того уровня, где, как ему кажется, можно добиться успеха.

Поскольку выбор групп, которые можно было бы возглавить, ограничен, а вакансий вождей мирового и общегосударственного масштаба мало, значительная часть потенциальных лидеров останавливает свои претензии на региональном уровне или на уровне этнической группы (что нередко совпадает). Например, Б. Ельцин понимал, что

его потенциал не хватит для того, чтобы возглавить СССР, поэтому ему не оставалось ничего другого, как активно использовать сепаратистские настроения, расчленив страну и стать лидером "номер один" одной из ее частей.

Этнический лидер осознает, что у него нет шансов стать вождем более высокого ранга. Сталин, к примеру, не мог испытывать выраженных националистических настроений не потому, что был "прирожденным интернационалистом", а потому, что был лидером, "переросшим" рамки небольшого этноса и претендовавшим на мировое влияние. Местечковые заботы националистических вождей ему были глубоко чужды.

Этнический лидер не потому увлечен националистической идеей, что он страстно любит "свой народ". Наоборот - он любит эту идею, поскольку лишь она обещает ему стать настоящим лидером. Можно предположить, что Гамсахурдия любил грузин больше, чем Джугашвили, зато последний, безусловно, больше любил "советский народ". Конечно, лидер не осознает этологическую детерминацию своего иерархического поведения и порой бывает искренним в выражении своих чувств, однако сути дела это не меняет.

"Народ" для политика - лишь средство достижения цели и дежурный мотив оправдания преступлений. Как сказал один из "политических" персонажей классика туркменской литературы Б. Кербабаева, "Народ - это стадо баранов, - куда погонишь, туда и пойдут".

Таким образом, этологический базис коллективного поведения составляют, с одной стороны, вождь, которому надо возглавить какую-нибудь группу (по большому счету, все равно какую - это "голый" рефлекс доминирования), а с другой - субъекты, которым обязательно надо стать членами какой-либо группы ("чистый" групповой инстинкт, "ищущий форму"). Но в этом соотношении присутствует трагическое противоречие. Люди стремятся объединиться в группы потому, что "слепой" инстинкт им говорит - так будет лучше. А лидеру не столь важно благополучие группы - его психику гнетет рефлекс власти.

При определенных обстоятельствах рефлекс власти, болезненно актуализированный у небольшой группы лиц, пытающихся реализовать себя через этническую идею, способен вызывать такое воздействие на толпу, которое приводит ее к патосоциологическому состоянию. Условно его можно назвать националистическим психозом. Потому этнические движения часто не конструктивны, иррациональны и неадекватно агрессивны.

В первой половине 80-х годов я много общался с молодыми учеными из разных республик СССР. Национальный вопрос был тогда модной темой. Запомнился один диалог. Мой собеседник - молодой, порывистый парень, житель одной из союзных республик. Он говорит мне:

- Мы должны отделиться от СССР!
- Почему? - спрашиваю я.
- Нам нужна независимость!
- Но из каких соображений?
- Иначе унижается наша национальная гордость!
- Чем она унижается?
- Тем, что мы не имеем независимости!
- А вот если предположить, что вы отделились, а народ станет жить хуже?
- Ну и что?! Независимость важнее!
- А если, допустим, кто-то не захочет отделяться и жить хуже?
- Их надо уничтожать, они недостойны жизни!
- неожиданно зло ответил он.

...Через десять лет после описанной беседы этот парень стал одним из лидеров национального движения в той самой республике.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Центр психологии и психотерапии, 1996.
2. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.: тип. Пайкина, 1899; *Тард Г.* Законы подражания. СПб., 1982; *Тард Г.* Социальные законы. СПб.: тип. Гусинского, 1906; *Вигуру А., Жукелье П.* Психическая зараза. М.: Современные проблемы, 1912.
3. *Монахов Н.А.* Плоды подсознания. Очерки об инстинктах, формирующих человеческие конфликты. М.: МИК, 1995.
4. *Каутский К.* Национальность нашего времени. СПб.: тип. Альтшулера, 1905; *Адорно Т.В.* Введение в социологию музыки. Вып. 2. М.: Ин-т философии АН СССР, 1973. С. 71.
5. *Ильясов Ф.Н.* Большевизм: норма или отклонение? // Вестник РАН. 1996. № 1. С. 47.
6. *Ильясов Ф.Н.* Национальное сознание и поведение // Страна и мир. (Мюнхен). 1990. № 6. С. 78-89.
7. *Гараджа В.И.* Социология религии. М.: Наука, 1995.
8. *Угринович Д.М.* Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985.
9. *Белла Р.Н.* Социология религии // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972. С. 274.